

Отец велел не возвращаться по меньшей мере месяц, но произошедшие события неумолимо требовали обсуждения. Не доложи они о странном заклинателе как можно скорее, кто знает, насколько сильно это распалило бы его. Взвесив все «за» и «против», они почти синхронно вздохнули.

— Нужно возвращаться, — озвучил неизбежное Ю Линг, — всё, что требовало вмешательства уже решено. Нет смысла просто тянуть время.

Вместо оговоренного месяца они провели в пустыне чуть больше двух недель. Вернись они раньше — это можно счесть за невыполнение приказа; утаи они важную информацию — пренебрежением благополучия княжества. Фэн У не потерпит ни одного, ни другого.

Фэн Су состроил кислую физиономию, царственно восседая на постели. Снадобья Цин Юань были хороши, но не всемогущи. Лодыжка ещё ныла, но отёк спал. По его расчётам, за время обратного пути он должен был восстановиться полностью. Отец, хоть и был жестоким тираном, к травмам своего драгоценного наследника относился с повышенным вниманием и мог отыгаться на любом, кто находился рядом в момент её получения. Фэн Су перевёл взгляд на брата — Фэн Ся не имел склонности к праздно болтовне, но сейчас почему-то пребывал в особенно странной молчаливой задумчивости.

— Ся-гэ, о чём задумался?

Фэн Ся встряхнул головой, словно отгоняя какое-то наваждение. Медь волос блеснула языками пламени.

— Ни о чём. Возвращаемся.

Фэн Су пригляделся внимательнее — челюсть напряжена, глаза словно тёмное грозное небо. Он не был дураком — его брат что-то скрывал. Странное чувство уязвлённой гордости шипом укололо сердце. Пускай, они были братьями лишь наполовину, Фэн Су, не задумываясь, доверил бы ему любой секрет, свою жизнь, он даже меч назвал его именем. Но Фэн Ся всё время оставался отстранённым, одновременно очень близко и очень далеко.

В атмосфере гнетущей тишины они собирались в обратный путь.

Бай Лао был прилежным учеником. Напросившись к Цин Юань, он также не хотел расстраивать Чуньшен, относившуюся к нему с почти материнской заботой. И, конечно, никто не отменял его обязанности слуги, хоть их и было до смешного мало.

— Ты же понимаешь, что я могу запретить тебе обучаться у неё? — Вполне резонно спросила Чуньшен, когда Бай Лао, смущаясь и переминаясь, робко сказал, что Цин Юань согласилась

принять его в ученики.

Бай Лао потупил взгляд и слегка склонил голову. Чуньшен настаивала, чтобы он никогда не падал перед ней на колени.

— Этот недостойный просит прощения за своеволие, — тихо пролепетал он. С каждым днём уничижительные слова давались всё легче.

Чуньшен потрепала его по волосам и подцепила изящными пальцами подбородок, встречаясь взглядами.

— Но разве могу я отказать этим очаровательным абрикосовым глазкам? Однако, это не значит, что мои занятия отменяются. Не злоупотребляй моей добротой.

Бай Лао просиял, кивая так часто, что рисковал повредить шею. С тех пор он был занят от заката до рассвета, старательно осваивая мастерство сложных причёсок, занимаясь каллиграфией и чтением в удушающий дневной зной, а вечерами спешил за территорию гарема в дом, пропитанный ароматами благовоний, сушёных трав и тёплого свечного воска.

Он как раз старательно растирал в глиняной плошке сушёные корни на очередную мазь, когда на пороге появился мрачный генерал. Бай Лао вдруг замер — он помнил, что Ю Линг отправился с молодыми господами на ночную охоту на месяц, может быть, два. Судя по его угрюмому виду, случилось что-то, заставившее их вернуться раньше. Бай Лао было очень любопытно, но он не знал, насколько уместно прозвучал бы его вопрос, и, вздохнув, вернулся к своему занятию.

— Генерал? — Цин Юань тоже удивилась, отложив связку сухоцветов, которую до этого перебирала. — Почему вы здесь? Что-то случилось?

Ю Линг устало потёр переносицу.

— Есть кое-какие моменты, требующие обсуждения. Его Высочество, наверняка, пошлёт за вами, так что я позволил себе некоторую вольность. Молодые господа уже направились в зал советов, думаю, не стоит заставлять их ждать.

Голос у Ю Линга был звучный, и Бай Лао даже не требовалось прислушиваться. Странное облегчение настигло его покалыванием где-то на затылке при упоминании молодых господ. По крайней мере, они в порядке. Остальное, вряд ли имеет значение для обычного слуги.

И хотя час был довольно поздний, Цин Юань, всегда безупречно готовая к княжеской аудиенции, не стала более задавать вопросов. Лишь кивнула и, взмахнув шёлковыми рукавами, поспешила за генералом.

В зале советов было темно. Лишь пламя нескольких свечей неровно дрожало, отбрасывая причудливые тени на стены с узорами фениксов и витиеватых облаков, придавая им магический, живой вид. Зал был большим, но, казалось, всё пространство сжалось до одного стола в атмосфере тягучей, мрачной напряжённости. Фэн У, сидя во главе, поочередно рассматривал своих сыновей — младшего по правую руку и старшего по левую. Серебряный гуань, возвышаясь, отражал танцующие языки пламени так, что казалось, будто сам огонь горел в его волосах.

Отворившаяся дверь лишь на мгновение слегка всколыхнула застывший во времени воздух. Вошедшие почтительно поклонились. Цин Юань заняла место напротив князя, Ю Линг же остался оплотом сохранения спокойствия возле входа.

— Надеюсь, — начал Фэн У. Голос его звучал мощным грохотом водопада, — у вас была веская причина нарушить мой приказ и явиться сюда

Братья переглянулись. Обычно, привилегия доклада всегда принадлежала Фэн Су как официальному наследнику. Нарушать этот порядок никто не осмеливался.

Фэн Су любил играть на нервах отца, он мог ему перечить, но отрицать благоговейный страх, к сожалению, не мог. В конце концов, он был всего лишь мальчишкой, вспыльчивым, абсолютно несносным и все выходы сходили ему с рук только из-за того, что Фэн У, всё-таки, был не только жестоким тираном, но и отцом. События прошлого сделали из него чёрствого человека, но в глубине души ещё теплилось что-то, чему никто не смог бы дать название. Возможно, теплилось. Фэн Су, по крайней мере, на это надеялся, набирая в лёгкие побольше воздуха, чтобы начать рассказ.

По мере доклада, густые брови Фэн У то сходились прямо к переносице, то напряжённо замирали. Челюсть играла желваками в молчаливом раздражении. Он пересёкся глазами с Цин Юань. Ничто на её лице не выдавало и капли волнения — Фэн У мог бы задуматься о подозрительности такого спокойствия, если бы заклинательница имела склонность к импульсивным действиям. Но Цин Юань всегда была будто возвышена от мирских забот, плавно двигаясь по течению. Она также не была уроженкой этих земель и не имела внутренней потребности яростно защищать их от чужаков. Посмотрев на неё ещё несколько мгновений, Фэн У отринул всякие подозрения.

— Что думает госпожа Цин? Ты прожила долгую жизнь. Встречался ли тебе этот заклинатель в белом? — Нарочито мягко спросил Фэн У. Заклинательские способности Цин Юань всегда внушали в него странный трепет, не понятным окружающим.

Цин Юань задумчиво хмыкнула, уцепившись взглядом за дрожащее пламя свечи.

— За всю историю был только один заклинатель, обладающий такими талантами. Странно, что вы не подумали о нём, ведь он известен каждому с детства.

В зале советов воцарилась тишина. Такая осязаемая, хоть мечом руби. Фэн Су широко распахнул глаза. Осознание настигло его словно ушат ледяной воды, так стремительно, что он не смог усидеть на месте. К Цин Юань он испытывал крайне негативные чувства, но даже они вдруг отошли на второй план. Подскочив на ноги, он слишком сильно опёрся на повреждённую ногу, продолжавшую временами противно ныть, едва слышно зашипел, что не укрылось от внимательного взгляда отца, и воззрился на Цин Юань в изумлении.

— Разве может это быть он?! Ху Шень погиб почти тысячу лет назад на севере. Как мог он вдруг оказаться на юге?!

— О его смерти доподлинно неизвестно.

Фэн Су, ошарашенный, грохнулся обратно на стул. Ху Шень был одним из четырёх великих заклинателей, когда-то объединивших страну. И хотя величие его никто не смеет оспаривать, но конец его был печален — сойдя с правильного пути, увлечьшись тёмным искусством, он принял страшную смерть от рук своих названных братьев. Так писали во всех исторических трактатах. Была ли вероятность, что он мог вернуться? Или, может быть, он успел передать свои знания ученику? Окажись, что угодно из этого правдой, есть ли у них шанс на благоприятный исход?

Так или иначе, всё это было лишь домыслами. Фэн Ся, хранивший до этого молчание, поколебавшись мгновение, опустил на стол кривую неестественно чёрную ивовую ветвь. Он долго думал, стоит ли вообще об этом упоминать, но отец едва ли пустит дело на самотёк. Узнай он каким-то образом об этом самостоятельно, последствия точно будут плачевными.

— Он дал мне это.

Фэн Су, едва усмиривший прошлое потрясение, с трудом понимал происходящее.

— Что? Когда?

— Когда мы вернулись на постоянный двор. Я не мог уснуть и спустился в конюшню. Мы немного поговорили.

Во взгляде Фэн У лезвием кинжала сверкнула сталь.

— И о чём же вы говорили?

— Ни о чём, что могло бы поставить под сомнение мою преданность. Он лишь сказал, что не враг.

Возможно, утаивать детали разговора не было верным решением. Возможно, действительно, не стоило о нём даже упоминать. Но Фэн Ся, в силу возраста или из сокрытого глубоко внутри

желания быть признанным родным отцом, всегда оставался честным, бесхитростным. Но что бы он ни делал, князь всегда будет смотреть на него и видеть женщину, у которой почти получилось вонзить ему нож в спину.

Фэн У негодовал. Он так сильно взъярился, что даже мысли о бродячем заклинателе отошли на второй план. Небрежно подтолкнув ветку к Цин Юань, он лишь бросил, чтобы та как следует её изучила, и резко повернулся к Фэн Су.

— Что с твоей ногой? Не смей лгать или увилывать.

Фэн Су мог спорить с отцом, но он не был самоубийцей, чтобы перечить ему в состоянии крайнего гнева. Рассказав о случившемся, он проклял себя за неосторожность. Не вскочи он так резко, повреждение удалось бы скрыть.

— Скажи мне, Фэн Ся, — выплюнул он, раздражённо, — ты ослеп? Или твои руки недостаточно крепко держат оружие? Или тебя подвела быстрота твоих ног? Как мог верноподданный допустить ранение своего господина, находясь от него в одном шаге?

Скопившаяся княжеская злость, наконец, нашла выход. Лопнула натянутая струна, разливая по венам тёмное и тягучее, грозясь снести всё на своём пути. Фэн Су, решив, что ситуация не может стать хуже, набрался смелости возразить.

— Фэн Ся мне не слуга! Он мой брат!

— Какое имя носит твой меч? Как можешь ты утверждать, что он тебе не служит? Завтра на рассвете в храме Неугасимого пламени вы оба примете наказание! Пять ударов горящим промасленным кнутом.

Как оказалось, ситуация могла стать хуже. Фэн Су уступал своему отцу в возрасте, но не во вспыльчивости. Отлично, решил он, в эту игру могут играть двое.

— Да хоть десять!

— Похвальное рвение. Но, должно быть, ты не понял — кнут будет в твоих руках. Господин должен уметь наказывать подчинённых, какие бы связи ни были между ними.

В игру могли играть двое. Но победа всегда за кем-то одним. Как оказалась, ситуация могла стать намного хуже.

— Моё ранение не стоит и одного удара! Я не стану тебе подчиняться. Ты не заставишь меня избить брата!

Фэн У ударил кулаком по столу так сильно, что, казалось, он расколется на мелкие щепки. Всё ещё присутствующие в зале Цин Юань и Ю Линг не смели даже пошевелиться, боясь и в свою сторону вызвать гнев.

— Если ты такой сентиментальный, — Фэн У практически рычал, искры летели из его горящих глаз, — тогда достань свой меч, приставь к горлу и избавь нас всех от такого бесхребетного правителя в будущем. Ранение, может, и удара не стоит. Но твой...брат скрыл от тебя милую беседу с неизвестным, превосходящим нас всех по силе, заклинателем. Кто знает, что ещё он скрыл? Если твой драгоценный брат помыслит об измене, узнаешь ли ты об этом?

Фэн Су опешил. Вот, значит, в чём было дело. По неосторожности они разворошили старые раны как огромное осиное гнездо. Стало горько до тошноты. Фэн Су беспомощно открывал рот, словно выброшенная на берег рыба. Он мог бы доверить брату свою жизнь, но как доказать взбешённому отцу, как убедить его? Как заставить поверить человека, отринувшего доверие много лет назад?

Фэн Ся опустил голову, прибитый осознанием. Для человека, чьего признания он добивался всю жизнь и продолжает добиваться, он навсегда останется чёрной тенью предательницы. Клеймо позора и ненависти никогда не смывается, не истлеет. Возможно, сохранив ему жизнь и позволив приблизиться, Фэн У просто держал его в зоне видимости, чтобы в любой момент быть готовым отразить удар. И он отражал его прямо в эту минуту. Не было смысла в их сопротивлении — оно порождало лишь более яростную атаку. Или защиту, с какой стороны посмотреть.

Фэн Ся поднял взгляд и уверенно посмотрел на брата. Тот всё ещё пытался подобрать слова.

— Су-эр, — позвал он слишком мягко, пользуясь временной заминкой, — не перечь Его Высочеству. Ты выполнишь то, что он требует.

Сопротивление не имело смысла. Лишь смиренное принятие наказания могло стать первым шагом к выстраиванию шаткого доверия, которому всё равно не дано укрепиться.

Но Фэн Ся был готов сделать этот шаг.

<http://bllate.org/book/14934/1323636>